

ALEKSANDRA URBAN-PODOLAN

 <http://orcid.org/0000-0002-8159-2698>

Uniwersytet Zielonogórski

Wydział Humanistyczny

Истребление живого как зеркало человеческой души (на материале произведений Валентина Распутина)

Валентину Распутину, как и другим «писателям-деревенщикам», анималистическая тема не является чуждой, хотя она, как правило, и не занимает центральное место в его произведениях¹. Анималистические образы у сибирского писателя используются, прежде всего, как отражения реалий природного мира и крестьянского быта. К последним относятся, в частности, домашние животные – коровы, птица, свиньи, лошади, собаки и пр., которые либо обеспечивают человека продуктами питания, либо помогают в земледельческих работах, либо же выполняют сторожевую функцию. На страницах своих произведений Распутин уделяет также внимание анималистическим образам, живущим в традиционных верованиях, приметах, поговорках и представлении русского народа об окружающем мире. Здесь следует выделить, в основном, представителей животного мира, поведение которых трактуется как мистическое и паранормальное, в их числе: животные-предсказатели, предвестники надвигающейся беды, и живых существ, которые воспринимаются как своего рода посредники между миром земным и потусторонним. Наконец, Распутин в своей прозе показывает образы животных как зеркало происходящих в стране перемен. Самым наглядным примером этого является описанное

¹ Ср., напр.: В. Астафьев: *Царь-рыба*, Г. Троепольский: *Белый Бим Черное ухо*, С. Залыгин: *Коровий век*, *Наши лошади* и др.

им в повести *Прощание с Матерой* поведение брошенных людьми скота и лошадей во время пожара, устроенного работниками санитарной бригады для очистки территории накануне грядущего затопления в связи со строительством ГЭС.

Как утверждает выдающийся российский философ, культуролог и литературовед Михаил Эпштейн: «Образы животных в литературе – это своего рода зеркало гуманистического самосознания. Подобно тому как самоопределение личности невозможно вне отношения ее к другой личности, так и самоопределение всего человеческого рода не может свершаться вне его отношения к животному царству»². С точки зрения рассматриваемой нами проблематики уместно добавить, что существенное значение имеет здесь отношение человека к смерти животного, будь то смерти, свидетелем которой является человек или же совершаемой им самим. Одним из героев, о чувствительной душе которого можно судить именно по отношению к забою животных, является Павел Пинигин из *Прощания с Матерой*. Он мучается от мысли, что «придется скоро загубить» корову Майку:

Павел подумал, что понадобится кого-то звать на это дело, потому что сам он за него – хоть убей – не возьмется и даже сбежит со двора и станет бродить, пока не приберутся. Он не мог смотреть, когда поросенка легчили или отрубали голову петуху [...]. Войну прошел, перевидал всяких смертей за глаза, до сих пор по ночам воет и прощается с убитыми, но тут поделаться с собой ничего не может, таким уродился³.

Весьма интересным произведением Валентина Распутина, которое стоит рассмотреть именно в данном анималистическом ключе, является ранний рассказ писателя *Продается медвежья шкура* (1965), который можно определить как «охотничий» рассказ, так как речь в нем идет об охотничьем промысле, а центральной фигурой является фигура охотника-медвежатника. Следует, все-таки, оговориться, что это жанровое определение довольно условно, поскольку в данном случае роли героев, охотника и дичи, меняются: раненый охотником медведь становится его преследователем: «[...] на этот раз не человек охотился за зверем, а зверь охотился за человеком»⁴.

Вернемся, однако, к образу главного героя произведения. Как узнаем в начале рассказа, Василий – это опытный медвежатник, продающий

² М.Н. Эпштейн: «Природа, мир, тайник Вселенной...». Система пейзажных образов в русской поэзии. Москва 1990, с. 87–88.

³ В. РАСПУТИН: *Прощание с Матерой*. В: Того же: *В поисках берега. Повести, рассказы, статьи*. Москва 2008, с. 251.

⁴ В. РАСПУТИН: *Продается медвежья шкура*. В: Того же: *Человек с этого света*, Красноярск 1967, с. 50.

шкурки добытых им зверей туристам. Промышляя в тайге, он всегда следует неписаному этическому охотничьему кодексу – старается «уложить» животное, не доставляя ему лишних мучений, а к добыче относится к надлежащим почтением, внушая такое же отношение к приобретаемым покупателями трофеям:

Он был хороший медвежатник, и начало схватки со зверем почти сразу же переходило в конец. В таких случаях продолжение следует редко: выстрел убивает продолжение вместе со зверем. [...] Шкурки он продавал туристам, причем, любил рассказывать, как ему достался медведь, чтобы туристы не просто топтали шкурки в своих городских квартирах, но и относились к ним с должным уважением⁵.

Однажды случилось, однако, что во время охоты Василий убивает найденную в берлоге медведицу, а оказавшегося рядом самца лишь ранит, промахнувшись дважды. Охотник остается жив, но с тех пор медведь начинает преследовать его, как будто мстит за смерть медведицы. Образ хищника в рассказе наделяется человеческими эмоциональными и волевыми качествами: он смотрел на Василия «прищуренными, злыми глазами, глазами врага, объявившего ему войну»⁶, «стоял на склоне горы и следил за ним»⁷, даже затаился в засаде и напал на охотника, вселяя в него не испытываемую ранее тревогу и своей настойчивой слежкой принуждая его уехать жить в другое место. Но даже в отдаленном за 100 км поселке зверю удается отыскать человека:

Нетрудно было представить себе, как медведь, разыскивая его, прочесывал тайгу, как часами он стоял где-нибудь недалеко от жилья, чтобы увидеть его обитателей, как кружил около поселка, запоминая своей медвежьей памятью каждого человека, как тоскливо рычал, когда пропадала надежда, а потом, учуяв запах дымка, снова шел дальше. Он перестал быть медведем в обычном смысле этого слова, он стал преследователем, что было для него главным, а все остальное он делал только для того, чтобы сохранить в себе преследователя⁸.

Когда весной медведь отыскивает Василия в поселке, охотник осознает, что смертоносный поединок со зверем неминуем. И готовится к нему как к дуэли с достойным и равным себе противником: он спокоен, сдержан, не суетится. Не испытывает, однако, прежнего азарта, с каким до тех пор «ходил на медведя», не в состоянии понять собственные эмоции и внутри

⁵ Там же, с. 47.

⁶ Там же, с. 49.

⁷ Там же, с. 50.

⁸ Там же, с. 53.

ощущает лишь пустоту. В изображении самого события остро чувствуется особая патетичность: равно в описании места поединка, самой встречи соперников, так и поведения животного:

[...] они встретились на просторной поляне, где было место, чтобы упасть обоим. Василий вышел с одной стороны, медведь с другой. Словно боясь, что человек его с кем-нибудь перепутает, медведь зарычал и поднялся, показывая свою белую грудь. [...] глаза были усталые и злые, но через все это проступало медвежье достоинство. Несколько мгновений они стояли друг против друга, словно не могли договориться, кому начать primero. Потом медведь, не выдержав, пошел вперед – это было его законное право⁹.

Застрелив медведя, охотник, по всей вероятности, впервые в жизни, не ощущает удовольствия от добытого трофея. Наоборот, он чувствует себя убийцей. Василия изначально нельзя было оценивать однозначно отрицательно, так как охота являлась для него способом заработка, что в Сибири воспринималось как обычное, повседневное явление. Однако, на основании душевного состояния главного героя перед дуэлью и чувств, испытываемых им после победы над медведем, можно констатировать то, что его отношение к охотничьему делу меняется на диаметрально противоположное: он начинает воспринимать животных как существ, способных чувствовать, думать и совершать осознаваемые действия. Медвежатник задумывается над тем, насколько человек вправе вмешиваться в естественный мир и уклад природы, а также стоит ли убивать животных и продавать их людям, которые не в состоянии ни постичь суть охотничьего мастерства, ни должным образом оценить добычу и, прежде всего, не могут понять и проникнуться внутренним миром человека, который во время каждой охоты соревнуется и сражается не только со зверем, но и со своими страхами и слабостями, а часто и с угрызениями совести по поводу смерти, причиной которой является. Шкура, стоящая столько усилий, волнений и тревог, подвергается критике и недовольству покупателей, так как «пятно на ней какое-то...» и «она вся дырявая» (Василий, не сумев сохранить самообладание, стрелял дважды).

Вряд ли Валентин Распутин мог быть знаком с теориями зоопсихологического антропоморфизма, сторонники которого придерживаются мнения о том, что «все, что свойственно психике человека, может быть найдено у животных»¹⁰. На наш взгляд, такое персонифицированное изображение писателем самого крупного и сильного обитателя тайги скорее

⁹ Там же, с. 54.

¹⁰ См., напр.: С.В. САВЕЛЬЕВ: *История и теории зоопсихологии* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://ethology.ru/library/?id=115> [дата обращения: 4.08.2017].

всего является отсылкой к древним славянским верованиям, согласно которым медведь ведет свое начало от человека и наделен большой мудростью, а отдельные части его тела обладают магической или целительной силой¹¹. Такое прочтение образа медведя в распутинском рассказе вполне обосновано, так как писатель в своем творчестве довольно часто обращался к славянской мифологии и фольклору. Даже если придерживаться мнения психологов о существенных качественных различиях в психике животных и человека, опровергающих толкование поведения животных с точки зрения присутствия у них человеческих мотивов, следует признать, что именно такое антропоморфное изображение Распутиным медведя и позволило писателю создать яркий и суггестивный образ таежного хищника. Неординарность в восприятии зверя усиливается за счет наделения животного необычным окрасом, т.е. нетипичным для этого вида белым пятном на груди, а также приобретенной им славы того, кого «пули не берут».

Если в рассказе *Продается медвежья шкура* мы встречаемся со своего рода «очеловечиванием» животного, то в повести *Живи и помни* можем наблюдать совершенно противоположную по смыслу картину, т.е. «расчеловечивание» или даже «озверение» человека. Речь идет об Андрее Гуськове – дезертире, ушедшем с фронта на последнем году войны и скрывающемся в окрестностях родной деревни Аталанки. О его нахождении в отеческих местах знает лишь жена Настена, которая в тайне от семьи и односельчан приносит ему винтовку, необходимые предметы домашнего обихода и продукты. Несмотря на то, что центральной фигурой повести является Настена, автору удалось глубоко передать и внутренний мир Андрея. К тому же, именно сопоставление этих двух контрастных образов, Настены, как носительницы нравственных идеалов, и Андрея, чья человечность теряется и тает, позволило писателю наглядно отобразить прогрессирующую деградацию последнего, который, по словам Ивана Панкеева, в итоге «перестает быть человеком и становится вооруженным человекообразным зверем»¹².

Исследование причин и стадий этого процесса выходит далеко за рамки настоящей статьи и освещено ранее многими литературоведами. Нам хотелось бы остановиться лишь на тех поступках Гуськова, которые непосредственно связаны с уничтожением животных и могут быть свидетельствами уже состоявшейся моральной деградации героя.

¹¹ См., напр.: К. Moszyński: *Kultura ludowa Słowian*. Ч. II: *Kultura duchowa*. Kraków 1934 [przedruk: Warszawa 2010], с. 548, 578–579; Энциклопедия *Русская цивилизация* [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://enc-dic.com/enc_rus/Medved-732.html [дата обращения: 4.08.2017]; А.Л. Баркова: *Работы по славянской мифологии и эпосу* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://mith.ru/alb/slavic/slav1.htm> [дата обращения: 4.08.2017].

¹² И.А. ПАНКЕЕВ: *Валентин Распутин: По страницам произведений*. Москва 1990, с. 72.

Для встречи с мужем Настене приходится переправляться через Ангару, поэтому свидания супругов происходят не столь часто. В ожидании пропитания, доставляемого женой, Андрей вынужден собирать лесные ягоды и охотиться. Именно однажды во время охоты на косулю и начинают проявляться признаки ожесточения героя, утраты им той части души и гуманности, которая не дает человеку доставлять другому живому существу излишние страдания. Андрей же, вместо того, чтобы быстро умертвить подстреленную козу,

не добил ее, как следовало бы, а стоял и смотрел, стараясь не пропустить, ни одного движения, как мучается подыхающее животное, как затихают и снова возникают судороги, как возится на снегу голова. Уже перед самым концом он приподнял ее и заглянул в глаза – они в ответ расширились, и он увидел в их плавающей глубине две лохматые и жуткие, похожие на него, чертенячьи рожицы¹³.

Иван Панкеев отождествляет эту сцену с психологической подготовкой героя к собственному неизбежному концу¹⁴. Действительно, Андрей отдает себе отчет в том, что его судьба предрешена, что у него нет будущего. Единственное, что его ждет – это одинокая смерть в тайге, либо – в случае задержания – обвинение в дезертирстве и расстрел. Поэтому, оказавшись недалеко от деревни, он испытывает ярость при виде наблюдаемых им из укрытия односельчан, празднующих Первое мая, а, заметив корову с телянком, поначалу радуется увиденным животным, однако поняв, что ему больше «не придется иметь дела с домашним, полезным человеку скотом», испытывает обиду и злость. Именно в тот момент ему вдруг приходит в голову мысль убить телянка. Он старается отогнать корову и увести бычка подальше от деревни, животные, однако, не слушаются, будто чувствуя злонамеренность человеческих действий.

Корова, повинувшись материнскому инстинкту, пытается защитить своего детеныша. Эти сцены, несомненно, одни из самых трогательных в повести. Как образ медведя из рассказа *Продается медвежья шкура*, так и здесь животные изображаются в высокой степени очеловеченными – способными думать и чувствовать:

Он [Андрей] привязал телка к осинке и пробовал отогнать корову, но она не шла, она отбегала и останавливалась, а потом, едва Гуськов отходил, снова лезла к телку, обнюхивала, лизала его и подталкивала головой, будто уговаривала, пока не поздно, отрываться и бежать. Бычок под на-

¹³ В. Распутин: *Живи и помни*. В: Того же: *Живи и помни. Повести и рассказы*. Москва 2010, с. 151.

¹⁴ И.А. Панкеев: *Валентин Распутин...*, с. 72.

стойчивой и испуганной лаской матери, пошатываясь, постанывал; он обессилел и надорвался, надорвался памятью, понятием, чутьем – всем, что в нем было¹⁵.

Корова на разъезжающихся ногах переползает через заледеневшую реку, лишь бы не оставлять теленка одного, и не покидает его вплоть до трагического финала, поражающего своей жестокостью, граничащей с садизмом:

[теленка] так обессилел, что не мог стоять на ногах. Испуганно повернул он к приближающемуся человеку голову – быстро и точно, с мгновенным замахом человек ударил его обухом топора по подставленному лбу, и голова, чуть мыкнув, повалилась и повисла на ремне. В тот же миг сзади закричала корова. Совсем озверев, Гуськов пошел на нее, готовый зашибить и корову, но, видя, что она не двигается от него, остановился¹⁶.

Самым ошеломляющим в совершенном Гуськовым кровопролитии является, на наш взгляд, тот факт, что сам герой, с одной стороны, опомнившись и пощадив корову, воспринимает содеянное как убийство («Хватит с него на сегодня одного убийства – иначе можно и подавиться»)¹⁷, но, с другой, он не в состоянии объяснить себе причину своего поведения, так как взяв лишь несколько кусков мяса, остальное оставляет под листвой. Проснувшись ночью, он так и «не знал, только ли ради мяса порешил телка или в угоду чему-то еще, поселившемся в нем с этих пор прочно и властно»¹⁸.

Весьма интересную интерпретацию убийства Андреем бычка дает в своей статье Валерий Компанец, опираясь на концепцию Мирчи Элиаде о соотношении профанного и сакрального. Ссылаясь на приведенную выше цитату, исследователь утверждает, что овладевшее Гуськовым волчье начало толкает его на «черный» ритуал: убийство теленка на глазах у коровы-матери. Ритуальное значение содеянного он объясняет именно тем, что персонаж совершил убийство ради «чего-то еще, поселившегося в нем прочно и властно», приводя при этом свидетельства присутствия «нечистой силы» в Андрее, предшествующие этому событию: Настена видит в муже «оборотня», борода делает его похожим на «лешего» и т.п. Узнав о беременности Настены, Андрей пробует оправдать свое дезертирство, видя в нем Промысел Божий. И именно на этом самообмане, на принятии

¹⁵ В. Распутин: *Живи и помни...*, с. 243.

¹⁶ Там же, с. 244.

¹⁷ Там же, с. 244.

¹⁸ Там же, с. 245.

дьявольского вмешательства за символы *теофании*, согласно исследователю, основана антирелигиозная модель поведения героя¹⁹.

Итак, подводя итоги, можно прийти к выводу, что в рассказе *Продается медвежья шкура* имеем дело, с одной стороны, с «очеловечиванием» животного, который, преследуя охотника, проявляет невиданную мстительность и целеустремленность, но, с другой, наблюдаем эволюцию души главного героя от безрефлективного уничтожения животного с целью заработка в сторону целостного видения мира и природы, где каждая ее часть, каждое живое существо имеет право на жизнь. Таким образом, уже в раннем творчестве Распутина можно обнаружить элементы антропоморфного и экологического мышления, которое, наряду с некоторой сакрализацией природы, станет неотъемлемой составляющей многих более поздних произведений писателя. В свою очередь, в повести *Живи и помни* замечаем процесс нравственной деградации личности, следствием которой является, помимо прочего, жестокое и необоснованное убийство беспомощного животного. Вместе с тем, исходя из мысли о сакральности «тварного мира» как части вселенского бытия, образ Андрея Гуськова можно, следовательно, идентифицировать как антирелигиозную модель поведения человека²⁰.

Abstract

Attitude towards Animal Slaughter as the Reflection of Human Personality Portrayed in Valentine Rasputin's Works

In this article, the focus is placed on the works of Valentine Rasputin in which the attitude that the characters have towards animal slaughter, of which they are both witnesses and executors, constitutes to some extent the determiner of their human quality. Above all, *Selling Bear's Skin* and *Live and Remember* are analyzed. The former deals, on the one hand, with the humanization of an animal that seeks revenge and its consistent pursuit while following the hunter. On the other hand, the evolution of the main character's attitudes from thoughtless animal slaughter for the sake of material profiteering to the holistic perception of the world and nature, in which every being has the right to live, is observable. The latter work, in turn, depicts just the reverse process, mainly the moral degradation of the human being, evidenced by unwarranted slaughter of a defenseless animal. In the context of the perspective on the sacred dimension of nature, the attitude of the main character might be interpreted as an antireligious mode of human behavior.

Keywords:

Valentine Rasputin, animal slaughter, hunting, personality degradation, animal psychology, anthropomorphism

¹⁹ См. В.В. КОМПАНИЕЦ: *В.Г. Распутин и М. Элиаде: проблема традиционализма* [Электронный ресурс]. «Славянские чтения» 2014, № 4(10), с. 129. Режим доступа: https://ibn.idsi.md/sites/default/files/imag_file/122_130_V.G.%20Rasputin%20i%20M.%20Eliade_problema%20traditsionalizma.pdf [дата обращения: 19.09.2017].

²⁰ Там же, с. 129.

Abstrakt**Stosunek do śmierci zwierząt jako miernik człowieczeństwa
(na podstawie utworów Walentina Rasputina)**

W tekście przeanalizowano utwory Walentina Rasputina, w których stosunek bohaterów do śmierci zwierząt, śmierci, której są zarówno świadkami, jak i sprawcami, stanowi niejako miernik ich człowieczeństwa. Uwaga skupiona została przede wszystkim na utworach *Продается медвежья шкура* oraz *Живи и помни*. W pierwszym z nich mamy do czynienia z jednej strony z „uczłowieczeniem” zwierzęcia, który, tropiąc myśliwego, przejawia niespotykaną chęć zemsty oraz konsekwencję w dążeniu do celu, z drugiej – możemy zaobserwować ewolucję charakteru głównego bohatera od bezrefleksyjnego uśmiercania zwierząt w celach zarobkowych do całościowego postrzegania świata i przyrody, w którym każda żywa istota ma prawo do życia. Z kolei w drugim z utworów obserwujemy proces wprost przeciwny – moralną degradację człowieka, której świadectwo stanowi między innymi nieuzasadnione zabicie bezbronnego zwierzęcia. W kontekście rozważań o sakralnym charakterze przyrody obraz głównego bohatera można odczytywać także jako antyreligijny model zachowania człowieka.

Słowa kluczowe:

Walentin Rasputin, śmierć zwierzęcia, polowanie, degradacja osobowości, zoopsychologia, antropomorfizm

